

А.С. Ряжев

Надпись на памятной доске в Архангельском соборе Московского Кремля – опыт историописания Екатерины II: исторический контекст

В мире существует огромная историография, посвящённая Екатерине II¹. На протяжении полутора десятилетий последние годы историки изучали и изучают вклад монархини – одной из ведущих представительниц политико-идеологического направления «просвещённого абсолютизма» в общественную мысль, право, культуру и искусство своего времени. В этой связи многократно отмечался и интерес Екатерины II к русской истории и источникам по ней, связывавшийся обычно с желанием императрицы найти аналогии своему «просвещённому» правлению в прошлом Руси-России².

Гораздо меньше внимание учёных привлекали попытки Екатерины II осмыслить ход исторического развития Российского государства под её собственным правлением. Первые биографы Екатерины II усваивали ей подобные размышления применительно лишь к 1780-м гг. и к её же оценкам реформ, проведённых после Пугачёвщины³. При этом исследователи опирались в основном на источники личного происхождения, созданные в ближайшем окружении Екатерины II, и сводили все штудии по ним к тезису о монархине – «ученице Вольтера» и продолжательнице дела петровской европеизации, тезису, быстро устаревшему и с самого начала едва ли верному. Иные трактовки практически отсутствовали, иные источники привлекались слабо, и ситуация в основном сохраняется и до сей поры.

Однако благодаря находке в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) ранее неизвестного памятника её можно отчасти изменить. Памятник представляет собой текст надписи на главной памятной доске, назначенной в своё время Екатериной II к установке на серебряной раке с мощами древнерусских великомучеников – князя Михаила Черниговского и боярина Фёдора в Архангельском соборе Московского Кремля. Надпись была посвящена Екатерине II и включала в себя историческую характеристику её свершений на троне. Императрица лично принимала участие в составлении надписи и правила все предложенные варианты. Отсюда текст выступает и опытом собственного екатерининского историописания. Его анализ в историческом контексте – задача настоящей статьи.

Главными источниками следует считать документы, несущие варианты текста надписи – предварительные и окончательный. Всего имеется три таких документа. Первый

¹ Обзоры и характеристики научной литературы, в особенности за 1990-е гг. см.: Каменский А.Б. От Петра до Павла: реформы в России в. (опыт целостного анализа). М., 2001. С.315-330; Madariaga I., de. Russia in the Age of Catherine the Great. 2nd ed. London, 2002. P.677-679 (есть издание на рус. яз.: М., 2002).

² Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: University Press, [1995]. P. 133-145 (есть издание на рус. яз.: М., 2002).

³ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М., 2005. С.52, 609; Бильбасов В.А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т.3. С.244-247.

приложен к письму московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) от 5 ноября 1769 г. на имя кабинет-секретаря Екатерины II Г.Н. Теплова. Приложение содержит начальный вариант надписи, составленный преосвященным лично и, естественно, до указанной даты. Текст здесь отмечен более поздней правкой, сделанной Екатериной II⁴. Императрица получила материалы владыки Амвросия, скорее всего, в середине ноября 1769 г. Её дальнейшая работа над ними датируется также приблизительно. Г.Н. Теплов в письме главнокомандующему Москвы М.М. Измайлову от 1 марта 1770 г. сообщал о монаршем приказе ускорить отливку раки и установку досок⁵. Надо полагать, что к этому времени Высочайшие изменения в тексте преосвященного были налицо.

Во втором документе находится новый, более поздний вариант надписи. Он приложен к копии собственноручной записки Г.Н. Теплова от 4 октября 1774 г.⁶ и датируется по ней. Документ выполнен не обычной скорописью XVIII-го века, как прочие источники, а церковным уставом, и всё, что принадлежит в нём перу Екатерины II, отмечено подчёркиванием одной чертой⁷. Оба документа, таким образом, отражают участие Екатерины II в составлении надписи и ввиду своей важности публикуются ниже корпуса в заключение.

Третий документ по времени появления стоит между первыми двумя и является первичным текстом варианта надписи 1774 г. Он был подготовлен епископом Крутицким Самуилом (Миславским) и оправлен М.М. Измайлову вместе с письмом от 8 сентября 1774 г. для передачи Екатерине II⁸. При цитировании всех трёх документов сохранена разбивка текстов на строки.

Помимо бумаг, содержащих варианты текста надписи, в качестве источников привлечены материалы переписки упомянутых сановников, духовных и светских, с императрицей и друг с другом по поводу создания текстов, изготовления и установки ковчега для мощей и досок на нём. Всего имеется тринадцать таких писем и записок за период с 3 октября 1769 г. по 22 ноября 1774 г. Они отложились как в подлинниках (в одном случае наряду с беловым экземпляром имеется черновик, о чём ниже), так и в копиях, и достоверность копий сомнений не вызывает⁹.

В переписке сохранились также тексты надписей на двух других мемориальных досках, установленных на серебряной раке наряду с главной доской. Текст одной из них представлял собой житие обоих великомучеников, текст другой – особую молитву князю Михаилу Черниговскому со здравицей в честь Екатерины II¹⁰. Оба приложены к названной записке Г.Н. Теплова и сопровождают церковнославянский экземпляр главной надписи.

⁴ РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.7.

⁵ Там же. Л.8.

⁶ РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.32 об.

⁷ Там же. Л.33.

⁸ Там же. Л.32.

⁹ Там же. Л.1-2 об, 4-6, 8-13, 18, 25-28, 30 и об, 38-39 об, 42, 43 и об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.34-37 об.

Значение материалов переписки трудно переоценить, поскольку именно они обозначают участие Екатерины II в подготовке текстов и её роль в организации отливки серебряной раки и установления досок на ней.

В целом содержание изученных источников вращается вокруг трёх крупных сюжетов: изготовление ковчега-мощехранилища и досок с надписями для него по приказу Екатерины II, текстуальное оформление монаршего замысла о надписях московскими архиереями, наконец, формулировка властительницей замысла надписи на главной доске, редактирование вариантов текста и составление окончательной надписи. Именно в таком порядке сюжеты и фигурируют в дальнейшем изложении.

Сначала об изготовлении и установке серебряной раки и памятных досок. Точное время начала подготовки текста главной надписи неизвестно. Г.Н. Теплов в письме к епископу Крутицкому Самуилу (Миславскому) от 15 августа 1774 г. указывал, что раку стали делать до русско-турецкой войны 1768-1774 гг., и что Екатерина II просила архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) составить для неё записку с текстом памятной доски тогда же¹¹. Задание, по всей видимости, было вызвано ремонтом стен Московского Кремля. За работы, которыми по указу Екатерины II руководил архитектор В.И. Баженов, принялись в 1767 г. До этого мощи черниговских святых содержались в церкви над Тайницкими воротами Кремля. В ходе работ ветхую надвратную церковь разобрали, и мощи понадобилось перенести.

Новым местом хранения мощей назначили кремлёвский Архангельский собор. Перенос было решено провести торжественно, и Екатерина II задумала ознаменовать его установлением большой серебряной раки для мощей с мемориальной доской – памятником своему времени и своему царствованию. Однако развязанная Турцией в 1768 г. война помешала замыслу. Перенос мощей задержался почти на год: о совершении обряда архиепископ Амвросий сообщил М.М. Измайлову лишь 3 октября 1769 г.¹²

Рака и памятная доска готовы ещё не были. Не было и текста надписи. Соответствующий заказ передали архиепископу, и тот справился с ним довольно быстро: через месяц с небольшим после переноса мощей, 5 ноября 1769 г. владыка уже послал текст Г.Н. Теплову¹³. В тексте было 27 строк. Кабинет-секретарь передал бумагу преосвященного наверх. Екатерина II сократила текст до 26 строк и внесла серьёзные смысловые коррективы. Работа шла небыстро. Поскольку всё это время мощи черниговских святых оставались без достойной оправы, их перенесли в другой кремлёвский собор – Сретенский¹⁴. По окончании редактирования монархиня приказала спешно готовить раку и ставить доску с выправленной ею надписью.

Модель раки было поручено делать В.И. Баженову. Однако тот медлил, и 1 марта 1770 г. Г.Н. Теплов письменно информировал М.М. Измайлова об имеющемся у него

¹¹ Там же. Л.27.

¹² РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.1-2 об.

¹³ Там же. Л.7.

¹⁴ Там же. Л.18.

монаршем повелении повторить архитектору приказ о скорейшем производстве модели для отливки. В условиях войны правительница настаивала, чтобы серебра на раку расходовать как можно меньше¹⁵. Из затей с экономией, впрочем, ничего не вышло. 16 апреля 1770 г. М.М. Измайлов отписал Г.Н. Теплову: для работ сыскан наилучший мастер, и он сказал, что на такую отливку пойдёт серебра пудов десять или одиннадцать, «но, может быть, и меньше». Делать было нечего, и Екатерина II согласилась¹⁶.

3 мая 1770 г. Г.Н. Теплов сообщил М.М. Измайлову: императрица утвердила эскизы раки с «особенностями» (детальями), поручив подтвердить В.И. Баженову приказ «не задавать мастерам сложной работы», дабы рака не выглядела излишне вычурной. Ради экономии решили не тратить серебра на ножки раки. При этом Екатерина II стремилась, чтобы ковчег всё же отвечал суровому, но торжественному убранству Архангельского собора. «Ножкам быть бронзовым, – излагал Высочайшее предписание Г.Н. Теплов, – и Е.И.В. повелеть соизволила, чтоб не изображать ни ангелов, ни сфинксов, ни дельфинов, но быть ножкам простым по вкусу сего здания». На все работы монархиня ассигновала 12 тыс. рублей.¹⁷

Однако в военное время изготовление и установка раки и доски на ней неоднократно откладывались, и только в конце июля 1774 г., когда в Санкт-Петербурге стало известно о мирном договоре с Турцией в Кючук-Кайнарджи, ковчег было решено всё же воздвигать. Здесь возникло новое затруднение: текст, составленный некогда Амвросием (Зертис-Каменским), успел устареть и не отражал завоёванного Россией и её монархиней величия. Сам автор погиб во время Чумного бунта 1771 г. в Москве, и его обязанности на московской кафедре выполнял Самуил (Миславский), епископ Крутицкий, позже митрополит Киевский. Надпись было поручено подготовить заново именно ему.

Епископ Самуил отозвался 8 сентября 1774 г., препроводив результат своей работы в приложении к письму на имя М.М. Измайлова¹⁸. Свежий вариант текста насчитывал 42 строки. Он также поступил на Высочайшую доработку. Екатерина II внесла существенные изменения, расширив текст до 44-х строк. Окончательный вариант екатерининской надписи сохранился в источниках в одном экземпляре, переписанном, как уже говорилось, церковным уставом. Копия личной записки Г.Н. Теплова от 4 октября 1774 г., отложившаяся среди бумаг, гласит: «Е.И.В. указать соизволила по сему вырезать надпись на серебряной раке святых мощей благоверного князя Михаила Черниговского»¹⁹.

Помимо доски с главной надписью в замысел Екатерины II на тот момент вошло установить и две дополнительных надписи, содержавшие житие черниговских святых и молитву, посвящённую князю Михаилу Черниговскому. Тексты составил также епископ Самуил (Миславский). Екатерина II их не правила, удовлетворившись тем, что было предложено. В материалах переписки имеются копии текстов надписей с припиской Г.Н.

¹⁵ Там же. Л.8.

¹⁶ Там же. Л.9.

¹⁷ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.10, 12 об, 13.

¹⁸ Там же. Л.27 об - 28.

¹⁹ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.32 об.

Теплова: монархиня читала «житие и страдание Михаила Черниговского и боярина Феодора», и молитву князю Михаилу, одобрила их и повелела изготовить нужные доски²⁰. Об окончательном утверждении императрицей всех текстов и пересылке их в Москву для вырезки досок в натуре Г.Н.Теплов сообщал главнокомандующему Москвы М.М. Измайлову и епископу Самуилу 6 октября 1774 г.²¹ В итоге время от появления у Екатерины II замысла главной надписи и до её овеществления заняло более пяти лет.

Серебряная рака с досками находилась в Архангельском соборе Кремля до 1812 г. Фрагменты раки удалось отбить у наполеоновских войск вместе с прочими ценностями, награбленными в Москве, и вернуть на переплавку. Доски при французском разорении Москвы были утрачены и в дальнейшем не восстанавливались. Такова история монументального начинания Екатерины II.

Перейдём к воплощению монаршего замысла московскими преосвященными. Выше говорилось о том, что первый вариант доски по поручению Екатерины II готовил архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский). Выражая волю императрицы, М.М. Измайлов инструктировал преосвященного на предмет того, что текст следует составлять, «соображаясь по большей части к нынешним военным обстоятельствам»²². Амвросий, учёный грек, примыкавший к «просвещённым» екатерининским иерархам и разделявший идеи Екатерины II о взаимоотношениях государства и Церкви, подчёркнуто светским характером задания задет отнюдь не был, и за работу взялся рьяно. 5 ноября 1769 г. преосвященный послал текст для доклада Екатерине II. Это был первый документ с предварительным вариантом главной надписи.

В нём значилось следующее: «Во славу Триипостасного Бога,/ в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому,/ от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени/ происшедшему,/ за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином/ во Орде от Батыя в 1244 лето 20-го септемврия/ пострадавшему,/ из Чернигова в столичный град Москву пренесенному,/ здесь же с державными сродниками своими почивающему,/ Благочестивая, Великая,/ Премудрая, Непобедимая,/ Императрица Екатерина II,/ Матерь Всероссийская Отечества и всех повсюду единоверных грековосточных христиан/ надежда, покров и избавление,/ Кубанскую, Крымскую и Бугацкую Орды/ устрашившая,/ Турецкого во сту семидесяти тысящах состояваго везира,/ под Днестром разбившая и за Дунай прогнавшая,/ Хотин, Ясы и всю Молдавию для далших над Портою Оттоманскою поисков/ покорившая,/ Ивер, Спарту и Черногорцов морскими и сухопутными силами,/ Вселенну же преславными собывшимися в России и в Полше делами/ наполнившая,/ возобновляя/ древнее града Кремля здание новым великолепием,/ сию Раку/ в осмое лето благословенного своего царства,/ от Рождества же Христова 1769 года,/ создати благоволила»²³.

²⁰ Там же. Л.34 и об.

²¹ Там же. Л.38, 39.

²² РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.6.

²³ Там же. Л. 7. Повторим, что князя Михаила Черниговского и боярина Фёдора убили в 1246 г., а не в 1244-м (См.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003. С.322).

Из текста понятно, что «просвещённый» архиерей не мудрствовал лукаво и сказал обо всём, что было наиболее дорого Екатерине II. Сначала он польстил её гордости: воспоминания о «преславных делах... в России и в Полше» и о титуле «Матери Отечества» отсылали к созыву Уложенной комиссии и борьбе в защиту прав религиозных «диссидентов» Речи Посполитой – православных и протестантов, поднятой Екатериной II с 1763 г. Это были свершения, которыми монархия особенно гордилась. Ко времени создания владыкой текста у Екатерины II стало больше поводов для гордости по сравнению с началом 1760-х гг.: русско-польский договор 1768 г. со статьями о «диссидентских» правах под общими гарантиями России и Пруссии формально снимал «диссидентский вопрос»²⁴. Преосвященный о договоре, разумеется, знал, и потому славословил вовсю.

Архипастырь обозначил и важный церковный акцент надписи, сделав подношение образу государыни – опоры вселенского православия. Таким манером в тексте появились слова об избавлении православных от турецкой неволи во «всей Молдавии», Грузии («Иверии»), Греции («Спарте») и Черногории. И наконец, Амвросий выполнял указание свыше: он прославлял Екатерину-воительницу, приводящую в трепет турецко-крымские орды и победно влекущую свои армию и флот на юг. Отсюда и радость по поводу побед под началом А.М. Голицына на Днестре, прославленных Церковью по приказу Екатерины II (другие крупные сражения ещё не произошли), и торжество по поводу бегства (мнимого, о чем ниже) турок аж за Дунай.

Амвросиев вариант после правки его Екатериной II в течение пяти лет считался завершённым. Однако в связи с Кючук-Кайнарджийским миром его признали устаревшим. Выше было сказано, что новый вариант надписи создал Самуил (Миславский). Это был малороссийский уроженец, выпускник Киевской духовной академии. Подобно своему предшественнику на московской кафедре, он был представителем «просвещённого» духовенства и также ориентировался на круги в Церкви, близкие Екатерине II²⁵.

8 сентября 1774 г. владыка направил готовый текст М.М. Измайлову. В тексте стояло: «Во славу Триипостасного Бога,/ в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому,/ от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени/ произшедшему,/ за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином/ во Орде от Батыя в 1244 лето 20-го семптемврия/ пострадавшему,/ из Чернигова в столичный град Москву пренесенному,/ здесь же с державными сродниками своими почивающему,/ Благочестивая, Великая, Победами и Миром/ превознесенная,/ Императрица Екатерина II,/ всех единовѣрных грековосточных христиан/ надежда, покров и избавление,/ Кичение Оттоманской Порты/ низложившая,/ неприступную Бендерскую крепость в прах и пепел/ обратившая,/ победоносное своё оружие за Дунай/ распространившая,/ сожжением и совершенным турецкого флота в архипелаге при Чесме истреблением прославившаяся,/ Молдавии, Валахии и архипелагским островам вождѣленные выгоды/ утвердившая,/ народам, обитающим в Крыму, Кубане и Тамане свободу/ даровавшая,/ Одержанием

²⁴ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С.118-120.

²⁵ См. о нём: Рождественский Ф. Самуил Миславский, митрополит Киевский. Киев, 1877.

пристаней Керчи, Ениколи и Кинбурна/ к новым промыслам и кораблеплаванию в Чёрное и Белое море путь/ отверзшая,/ возобновляя/ древнее града Кремля здание новым великолепием,/ сию Раку/ в торжественное изъявление преславно заключенного с Портою Оттоманскою июля 10 дня 1774 года/ Мира/ и в знак истинного своего благочестия и пламенеющей к Богу благодарности/ в тринадцатое лето/ благословенного своего царствования,/ при наследнике своём, благоверном государе цесаревиче и великом князе/ Павле Петровиче/ и супруге его, благоверной государыне княгине/ Наталье Алексеевне,/ от создания мира 7282, от Рождества же Христова 1774,/ воздвигнути/ благоволила»²⁶.

При сравнении вариантов Амвросия и Самуила имеет смысл разделить тексты на параллельные фрагменты (здесь и далее нумерация фрагментов наша):

<i>Текст архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), 5 ноября 1769 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского), 8 сентября 1774 г.</i>
1. Во славу Триипостасного Бога,/ в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому,/ от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени/ произшедшему,/ за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином/ во Орде от Батыя в 1244 лето 20-го семптемврия/ пострадавшему,/ из Чернигова в столичный град Москву пренесенному,/ здесь же с державными сродниками своими почивающему,	1. Во славу Триипостасного Бога,/ в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому,/ от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени/ произшедшему,/ за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином/ во Орде от Батыя в 1244 лето 20-го семптемврия/ пострадавшему,/ из Чернигова в столичный град Москву пренесенному,/ здесь же с державными сродниками своими почивающему,/
2. Благочестивая, Великая,/ Премудрая, Непобедимая,/ Императрица Екатерина II,/ Матерь Всероссийская Отечества	2. Благочестивая, Великая, Победями и Миром/ превознесенная,/ Императрица Екатерина II,/
3. и всех повсюду единоверных грековосточных христиан/ надежда, покров и избавление,	3. всех единоверных грековосточных христиан/ надежда, покров и избавление,

²⁶ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.27 об -28.

<p>4. Кубанскую, Крымскую и Бугацкую Орды/ утрашившая,/ Турецкого во сту семидесяти тысящах состояваго везира,/ под Днестром разбившая и за Дунай прогнавшая,/ Хотин, Ясы и всю Молдавию для далших над Портою Оттоманскою поисков/ покорившая,/ Ивер, Спарту и Черногорцов морскими и сухопутными силами,/ Вселенну же преславными собывшимися в России и в Полше делами/ наполнившая,/</p>	<p>4. Кичение Оттоманской Порты/ низложившая,/ неприступную Бендерскую крепость в прах и пепел/ обратившая,/ победоносное своё оружие за Дунай/ распространившая,/ сожжением и совершенным турецкого флота в архипелаге при Чесме истреблением прославившаяся,/ Молдавии, Валахии и архипелагским островам вожделенные выгоды/ утвердившая,/ народам, обитающим в Крыму, Кубане и Тамане свободу/ даровавшая,/ Одержанием пристаней Керчи, Ениколи и Кинбурна/ к новым промыслам и кораблеплаванию в Чёрное и Белое море путь/ отверзшая,/</p>
<p>5. возобновляя/ древнее града Кремля здание новым великолепием,/ сию Раку/</p>	<p>5. возобновляя/ древнее града Кремля здание новым великолепием,/ сию Раку/</p>
<p>6. в осмое лето благословенного своего царства,/ от Рождества же Христова 1769 года,/ создати благоволила</p>	<p>6. в торжественное изъявление преславно заключенного с Портою Оттоманскою июля 10 дня 1774 года/ Мира/ и в знак истинного своего благочестия и пламенеющей к Богу благодарности/ в тринадцатое лето/ благословенного своего царствования,/ при наследнике своём, благоверном государе цесаревиче и великом князе/ Павле Петровиче/ и супруге его, благоверной государыне княгине/ Наталье Алексеевне,/ от создания мира 7282, от Рождества же Христова 1774,/ воздвигнути/ благоволила.</p>

Из сравнения становится понятным, что епископ Самуил использовал для своего варианта старый, амвросиев текст. В частности, налицо совпадение первых и пятых фрагментов текстов. Во второй и третий фрагменты своего текста Самуил внёс изменения, но небольшие, четвёртый же и шестой фрагменты с прославлением побед и правления Екатерины II написал сам полностью. Идейная направленность прежнего текста Самуилом сохранялась. При этом епископ Крутицкий был знаком с его правкой, сделанной императрицей: монарший титул «Матери Отечества» он в сочинение не вставил.

Определим теперь намерения Екатерины II в отношении очерка своего правления, назначенного к воплощению на пластине-доске из металла, и её собственную работу над замыслом. Идея отметить перенос мощей черниговских святых сооружением серебряной раки возникла у императрицы практически сразу и была продиктована значением события.

Князь Михаил Черниговский и боярин Фёдор почитались русской Церковью повсеместно, а их мощи признавались чудотворными. Екатерина II считала культ подобных мощей важным государственным делом, и в 1763 г., когда в Ростове Великом переносили мощи столь же почитаемого чудотворца – святого Дмитрия Ростовского, присутствовала на церемонии лично. По данной причине архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) определил черниговские мощи в один из главных кремлёвских соборов – Архангельский, отличавшийся строгим, но богатым убранством, и Екатерина II с готовностью поддержала решение. Следующим шагом становилось составление исторической надписи. Она должна была быть очень короткой, но и очень содержательной.

О чём же в конце 1760-х гг. была готова поведать современникам и потомкам Екатерина II? Из многих источников известно, и известно хорошо, что в ту пору её сердце особой гордостью наполняли два подвига: создание Уложенной комиссии и выступление на стороне «диссидентов» Польши и Литвы. Польский автор Г. Шмит некогда отмечал, что созыв Уложенной комиссии и активизацию «диссидентского вопроса» Екатерина II проводила синхронно, и видел причину этого в желании монархини показать Европе единство своей политики вовне и внутри, и упрочить тем самым свою европейскую репутацию²⁷. У историка имело место явное и злое преувеличение: для Екатерины II всегда было главным не выглядеть в духе времени, а воплощать дух времени в делах, хотя её дела, конечно же, строились на вполне определённых прагматических расчётах, включая и расчёты на мнение Европы.

Стержнем екатерининской политики служило просветительское понятие «всеобщего блага». Вооружённая им монархиня стремилась предстать перед обществом главным воспитателем и носителем добрых нравов, причём даже более авторитетным, нежели Церковь. Подобная тенденция впервые твёрдо проявилась у Екатерины II в период московских торжеств 1763 г. по случаю её коронации. Праздник предусматривал проведение в Москве грандиозного масленичного маскарада, в маскарадное же действие было включено костюмированное шествие пороков, сменявшееся затем парадом добродетелей. Соответственно, представление воплощало идею наступления новой эпохи – эпохи гражданской доблести, толерантности, добронравия. Режиссёр постановки, известный русский актёр Ф.Г. Волков использовал здесь с разрешения Екатерины II и традиции народной культуры, обозначив обращение властительницы с «воспитательной программой» не только к верхам, но и к низам общества. Всем сословиям вместо привычной церковной

²⁷ Schmitt H. Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. T. 1. Lwów, 1868. S.145-147, 154-156, 166-175, 223. Подробнее об этом см.: Ряжев А.С. Вероисповедная политика русского «просвещённого абсолютизма»: история изучения// История и историки: историографический вестник. 2005. М., 2006. С.96-97.

«бинарной оппозиции» – грех и спасение предлагалась новая, светская – общественный порок и гражданская добродетель, к которой они впредь и обязаны были приобщаться²⁸.

В орбиту новых ценностей императрица старалась втянуть всю страну, и в этом плане её поездки в Троице-Сергиеву Лавру и Ростов Великий в 1763 г. были не только поклонением святыням, но и общением с подопечным народом. Соответствующее значение имело и путешествие по Волге в 1767 г.²⁹ Принципиальным этапом в пропаганде ценностей «просвещённой» монархии стала церемония открытия Уложенной комиссии, утверждённая Екатериной II лично. Вице-канцлер А.Н. Голицын в завершение обряда открытия говорил собравшимся депутатам «о общем добре, о блаженстве рода человеческого, о вселении в сердце людское добронравия и человеколюбия, о тишине, спокойствии, безопасности каждого и блаженстве любезных сограждан...»³⁰.

Понятно, что в краткую летопись деяний Екатерины II, определённую на памятную доску в назидание обществу, надлежало включить лишь то, что ложилось в данную канву. И Екатерину II не смущала ситуация, когда памятник, посвящённый осмыслению светской истории и светских успехов правления, встанет в одном из главных храмов страны и даже украсит собою ковчег со святыми мощами. Полагаясь на мнение просветителей, властительница считала Церковь более орудием светского, рационального воспитания общества и была здесь намерена использовать её, так сказать, по назначению³¹.

Свой смысл имело для Екатерины II и размещение памятной доски именно в Москве – городе, который она откровенно не любила. С юности у Екатерины II сформировался трезвый подход к Церкви, религии, религиозному чувству, далёкий от мистики, иррационализма, экзальтации – всего того, что в век Просвещения именовалось «фанатизмом». Между тем в Москве, полагала Екатерина II, почва для «фанатизма», религиозной иррациональности, лучше всего унавожена. Там «никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах, площади которых огромны, а дворы – грязные болота», – записывала императрица позже, в 1780-е гг., возвращаясь к мыслям двадцатилетней давности³². Отсюда Екатерина II сочла полезным привнести в московские нравы толику рациональности, осознанности, придать обычаю почитания мощей в одной из главнейших русских святынь – Кремле в известной мере светский, гражданский характер. В конечном же счёте речь шла об идейном послании не одной лишь Москве, но и всему тогдашнему российскому обществу.

²⁸ Wortman R.S. Op. cit. P.119-120.

²⁹ См.: Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005; Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Автореф. дис... д.и.н. Казань, 2006.

³⁰ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён// Соловьёв С.М. Собр. соч. Кн. XIV. М., 1994. С.68.

³¹ См.: Ряжев А.С. Просвещённое духовенство при Екатерине II// Вопросы истории. 2004. № 9. С.55-57.

³² Екатерина II. *Réflexions sur Petersbourg et sur Moscou*// Екатерина II. Сочинения. Т. XII. СПб., 1907. С.642. Фрагмент опубликован в переводе на русский: Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. Вып. 2. Сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем, составленный П.Е. Мельгуновым, К.В. Сивковым и Н.Т. Сидоровым. М., 1922. С.22.

Акт переноса мощей был отмечен для Екатерины II и конъюнктурным налётом. Придя к власти при помощи придворной группировки братьев А.Г. и Г.Г. Орловых – «орловской партии» и опираясь на неё в течение нескольких лет, Екатерина II в связи с «диссидентским вопросом» и польской политикой попала в зависимость от другой группировки, возглавлявшейся Н.И. Паниным – «панинской партии». Н.И. Панину принадлежала важная роль в определении основ курса России в отношении Польши и Литвы, «диссидентского вопроса» и сотрудничества России и Пруссии в польско-литовских делах. Большой вклад в принятие польским сеймом в феврале 1768 г. продиктованных Россией решений по «диссидентскому вопросу» внёс Н.В. Репнин, тогдашний русский посол в Варшаве, родной племянник Н.И. Панина, представитель «панинской партии» и потомок князя Михаила Черниговского³³. Перенос мощей князя Михаила в знак успеха екатерининской политики в Речи Посполитой означал, таким образом, и реверанс Екатерины II в сторону «панинской партии».

Русская политика в Польше вызвала вмешательство Турции, начавшей в 1768 г. войну против России. Война заставила Екатерину II переосмыслить задуманный текст: историю царствования следовало дополнить историей военных побед, придавая тем самым формуле «просвещённого абсолютизма» более синтетический, военно-гражданский характер.

И это было не личной прихотью Екатерины II, а отражением логики режима правления, в которой абсолютный монарх всегда выступал не только «просвещённым», но и победоносным лидером. В России XVIII-го столетия огромная роль принадлежала здесь образу Петра I. Во время переворота 1762 г. Екатерина II удачно использовала его, появляясь на публике в петровской гвардейской форме и апеллируя к памяти императора-воина. Теперь, когда настала война, Екатерине II вновь пришлось надеть старый петровский мундир.

Надпись также должна была нести исторические установки православной монархии. Вступив в войну, Россия вела её с двумя противниками сразу – Османской империей в Причерноморье и шляхетской Барской конфедерацией на Польской Украине. Турки считались главным неприятелем. Черниговские святые князь Михаил Всеволодович и его боярин Фёдор были убиты в Золотой Орде в 1246 г. Русское общественное сознание раннего Нового времени воспринимало турок в качестве носителей извечной антихристианской угрозы, нацеленной на Россию с ордынских времён. Отсюда перенос мощей и установление нового, более приподнятого порядка их почитания были призваны поддержать боевой дух народа и войска против турок – «врагов Христова имени».

С начала войны Екатерина II сама всемерно поддерживала подобный настрой в при дворе и в столице. Вести об успехах на юге были для неё вестями о торжестве православия, и она немедленно проявляла своё чувство вовне. В предписании архиепископу Новгородскому и первенствующему члену Святейшего Синода Гавриилу (Петрову) от 12 мая 1769 г., отданном Екатериной II вскоре после сообщений о первых успехах весенней кампании,

³³ Стегний П.В. Ук. соч.

значилось: «Как ныне получено от командующего армией генерала князя Голицына известие о вторичной победе... над неприятелем... в 21-е число прошедшего месяца (апреля.– А.Р.), то есть на третий день после первой баталии..., то, Ваше Преосвященство, прикажите в будущее воскресенье во всём городе по церквам отправить благодарный молебен за дарованные от Всевышнего... сии обе победы»³⁴. В ближайшее воскресенье, 17 мая 1769 г. всё петербургское духовенство, выполняя приказ, действительно служило молебны: члены Синода – в Петропавловском соборе, прочие клирики, военные и невоенные – в патрональных храмах (гвардейских, армейских, флотских) и приходах.

Добавим, что Екатерина II полагала русские успехи на поле брани успехами православия не только в силу монаршего положения, но и по душевной склонности. Отсюда понятным становится нетерпение и злость Екатерины II, когда победная полоса кампании 1769 г. сменилась затишьем, а главнокомандующий А.М. Голицын стал обнаруживать нехватку воли «для далших над Портою Оттоманскою поисков». В итоге текст памятной доски, по мнению Екатерины II, должен был выразить и её собственную решимость вести войну и закончить её триумфом православия.

Из-за занятости императрицы военными делами перенос мощей всё откладывался. Между тем к осени 1769 г. сложились условия, когда быстрой победы над турками ждать уже не приходилось, а тяготы войны давали себя знать более и более. В данной ситуации задержка с переносом, по мысли Екатерины II, оказывалась на руку, ибо ныне он мог возыметь более сильное мобилизующее воздействие на общество, нежели год назад. Отсюда вышел приказ «учинить» перенос с максимально возможной пышностью и по принятому в Церкви чину присутствия императрицы. Этим Екатерина II хотела сказать, что она отдаёт дань важности действия и, несмотря на физическое отсутствие, всё же принимает в нём личное участие.

3 октября 1769 г. последовал рапорт архиепископа Амвросия М.М. Измайлову о совершении обряда, а тот 8 октября доложил императрице: перенос «состоялся с обыкновенным духовным церемониалом» и по чину присутствия императрицы, составленному в 1763 г. для переноса мощей в Ростове³⁵. 5 ноября 1769 г. преосвященный представил начальству ожидавшийся Екатериной II текст памятной надписи, и она приступила к его редактированию.

Военно-историческая часть надписи вызвала у правительницы нарекания. Война шла трудно, и расхождение текста Амвросия с реальностью оказывалось кричащим. Крымский хан в конце 1768 – начале 1769 г. совершил опустошительные набеги на Украину, и русским частям лишь спустя полгода, восстановив Азов и Таганрог, удалось создать прочные преграды для крымской конницы. Тогда же у русских войск получилось отбить натиск турок на Днестре, нанося им тяжёлый урон и удерживая за собой левый берег реки. К осени 1769 г. русская армия, впрочем, перешла Днестр и заняла брошенную неприятелем крепость Хотин, но ни о каком бегстве турок за Дунай говорить не приходилось.

³⁴ Цит. по: Августин (Никитин), архимандрит. Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995.. С.61.

³⁵ РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.1-2 об.

Более успешно русские войска оперировали на Северном Кавказе и в Восточной Грузии, однако этот фронт не считался основным. Не было решающих побед и в Польше: русские эскадроны гонялись за конфедератами по Волыни и Подолии, однако пресечь преследования православного населения не могли. В итоге русско-польский договор 1768 г., немало стоивший России, утрачивал значение, а вся конструкция русской политики в Речи Посполитой грозила рухнуть. В июне 1769 г. в Черногорию проникла небольшая русская экспедиция посланца Ю.В. Долгорукого для подготовки выступления против турок. Однако дипломат не смог овладеть ситуацией, с задачей не справился и вскоре покинул край. О высадке русских войск в Греции пока тоже оставалось только мечтать³⁶. Но хуже всего было то, что война всё шла, а планов на перспективу ни у генералитета, ни у Военной коллегии не обнаруживалось.

Хранить для потомства столь неприятную память Екатерина II не хотела. Но ещё менее хотелось ей вместо истории оставить грубую подделку, наспех скроенную «просвещённым» архиепископом по шаблонам гомилетики. Поэтому редактирование амвросиевых словес следовало провести с всевозможным тщанием (см. первый публикуемый текст).

Прежде всего текст был несколько сокращён. Монархиня вычеркнула из него строку «Премудрая, Непобедимая» перед строкой «Императрица Екатерина II». Сразу после строки шёл фрагмент: «Матерь Всероссийская Отечества и всех повсюду единовверных грековосточных христиан/ надежда, покров и избавление, / Кубанскую, Крымскую и Бугацкую Орды...». Он также был опущен³⁷. Екатерина II сделала это по понятной причине: война по большому счёту только начиналась, и провозглашать свою непобедимость и освобождение от турецкого гнёта «всех повсюду» православных «грековосточных христиан» оказывалось преждевременно.

Многие в окружении Екатерины II держались аналогичной позиции. Сохранился черновик письма Г.Н. Теплова епископу Крутицкому Самуилу (Миславскому) от 15 августа 1774 г., где тот дважды под разными предлогами упоминал о том, что в своё время именно он предлагал Екатерине II обождать с установкой парадной доски на ковчеге до окончания войны, дабы затем удобнее было «явить полный перечень успехов» монархини «предбудущим векам»³⁸.

В беловой вариант послания данный пассаж включён не был: Г.Н. Теплов, опытный царедворец, после заключения Кючук-Кайнаржийского мира уже не хотел откровенничать с корреспондентом по поводу опасений, которые некогда проявил. Не оставил Г.Н. Теплов упоминаний и о времени своих советов Екатерине II. Они, впрочем, могли быть высказаны в любой год и месяц войны: ведь и после феерических русских побед 1770-1771 гг. на суше и на море мир откладывался не один раз, и даже за месяц до Кючук-Кайнаржийского договора никто бы не поручился, что соглашение вообще состоится.

³⁶ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С.126-127.

³⁷ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.6, 7.

³⁸ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.25 об, 26.

Нежелание Екатерины II упоминать в надписи Крым и подвластные ему орды находит объяснение: слишком тяжёлой оказывалась память об их недавних кровавых набегах. В итоге текст после Высочайшей правки обретал иной смысл: получалось, что на Днестре устрашили, разбили и отогнали армию турецкого везира, а не крымского хана.

Гораздо более странным выглядит то, что после правки из текста выпали слова о монаршей мудрости и титул «Матери Отечества». Титул, поднесённый Екатерине II Уложенной комиссией, в известной степени отражал оценку законосоставительной работы императрицы в 1766-1767 гг., и монархиня им дорожила. К тому же и работу свою, в особенности «Наказ» в Уложенную комиссию, она очень ценила и считала полезной для блага страны.

Гордилась Екатерина II и репутацией мудрой правительницы, и тщательно выстраивала соответствующую сторону своего царственного образа. В частности, на медали, выбитой в честь коронации Екатерины II, монархиня изображалась в виде римской богини мудрости Минервы, облачённой в доспехи³⁹. Книга-проспект с описанием коронационных торжеств и увеселений, специально изданная к их началу, также вышла под характерным названием «Минерва торжествующая». В нужном духе была выдержана и вся стилистика коронационных празднеств, эскизы к которым императрица утверждала лично⁴⁰. И, конечно же, главнейшим доказательством мудрости Екатерины II в рамках её идейной системы служил «Наказ» в Уложенную комиссию.

К концу 1760-х гг. от своей позиции Екатерина II не отходила. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть издание «Наказа» 1770 г. на европейских языках. Помещённые здесь гравюры-аллегии в наглядной форме доносили до публики мысль о том, что Екатерина II занимает место в одном ряду с великими и легендарными античными мудрецами и законодателями, такими, как Ликург, Нума, Тарквиний, Марк Аврелий. И стоит подчеркнуть, что и общая эстетика гравюр, и композиция каждой из них прошли вкусовую и политическую цензуру неутомимой императрицы⁴¹.

Но как же тогда объяснить расставание Екатерины II в 1769 г. с мотивом монаршей мудрости, принципиально важным для неё в отношении собственной деловой репутации, порядка и исторического образа правления? Ответ прост. Екатерина II полагала, что результаты её благих начинаний, предпринятых в 1760-е гг., должны пройти проверку. Вскоре после прихода Екатерины II к власти один из царедворцев предлагал Сенату присвоить ей титул «Матери Отечества», но тогда она отвергла предложение. «Видится мне, что сей проект ещё рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие», – обосновала государыня отказ⁴². В случае с надписью ситуация, когда «ещё рано», повторялась. Лучшую же проверку, нежели война, мыслила Екатерина II, трудно и

³⁹ Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство во второй половине XVIII в. Автореф. дис... д.и.н. М., 2001. С.22; Гаврилова Л.М. Екатерина II – автор проектов медалей на события русской истории// Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 15. М., 2001. С.343-357.

⁴⁰ Вдовина Л.Н. Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва»// Екатерина Великая и Москва. Тезисы докладов научной конференции. М., 1997. С.8-9.

⁴¹ Wortman R.S. Op. cit. P.124-127.

⁴² Брикнер А.Г. Ук. соч.. С.130-131

придумать: только после победы и претензии на мудрость, и монарший титул «Матери Отечества» не будут оценены окружением, высшим светом, оппозицией как бахвальство.

На время Екатерина II отложила дело о ковчеге и памятной доске. Причиной тому, были, разумеется, не одни лишь благоразумные советы Г.Н. Теплова, а заботы, связанные с войной. Но оставлять начатое было не в правилах монархини. К тому же, назначив осенью 1769 г. П.А. Румянцева на место А.М. Голицына, она ощутила прилив уверенности и чаяла перелома в войне уже ближайшей весной. Парадная серебряная рака становилась символом этого перелома, и приказ Екатерины II к весне 1770 г. ускорить отливку изделия не заставил себя ждать⁴³.

Победы, однако, удалось достигнуть лишь спустя четыре года. Екатерина II встретила её как православная самодержица. Главный храм Санкт-Петербурга – Казанский собор был сделан ею центром военных и церковных празднеств по случаю триумфального мира, а сама монархиня сразу после придворных торжеств с готовностью выступала во главе всех православных северной столицы. 2 августа 1774 г. архиепископ Гавриил (Петров) получил сообщение Екатерины II: «Я намерена завтрашний день... принести благодарственные Всевышнему молитвы за дарованный мир в церкви Казанской Богородицы»⁴⁴. Назавтра преосвященный Гавриил и прочие члены Синода служили торжественный молебен, и правительница отстояла его вместе с придворными.

Наконец-то для Екатерины II настало время закончить дело с памятными досками в Москве. 15 августа 1774 г. Г.Н. Теплов послал епископу Крутицкому Самуилу (Миславскому) письмо с монаршим поручением распорядиться об установке надписей. «В одной из них, – сообщал преосвященному кабинет-секретарь, – быть должна обыкновенная молитва для приходящих к поклонению мощам. В другой житие святых и страдание, вкратце описанное, а третья надпись главнейшая заключать должна на память будущих веков записку, кем, когда, и по каким обстоятельствам сие [и]зделие сооружено. По чему и войдёт тут изображение благочестия Её Величества, благодарности Богу за увенчанную войну торжественным миром, показав именно, в каких приобретениях он от врага имени Христова получен победоносным оружием, и время, в которое сей монумент поставлен и пренесение мощей для воспоминания церковного учинилось...». В заключение Г.Н. Теплов просил Самуила «сочинить надпись уставным письмом» для представления Екатерине II, дабы она могла оценить не только содержание текста, но и его внешний вид, и удобство его восприятия публикой⁴⁵.

Очевидно, что речь шла об изменениях в замысле Екатерины II: теперь она хотела установить на серебряном ковчеге с мощами уже не одну, а целых три доски. Подобное волеизъявление «просвещённой» монархини смыкалось с её усилиями поднять нравственное красноречие, проповедническое искусство и учительные функции Церкви, нацеленными на улучшение общества. Так, в 1772 г. обер-прокурор П.Л. Чебышев передал Синоду

⁴³ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.8.

⁴⁴ Цит. по: Августин (Никитин). Ук. соч. С.117.

⁴⁵ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.27.

распоряжение монархини о составлении сборника поучений на воскресные, праздничные, «викториальные» дни. Соответствующий сборник для использования в церквях был составлен и затем трижды, в 1775, 1781 и 1795 гг. переиздавался⁴⁶. Теперь регламентации по воле Екатерины II подлежало и почитание мощей.

Владыка Самуил оказался восприимчив к Высочайшим настроениям и чувствам после Кючук-Кайнарджийского мира. Приподнятый настрой, торжественный дух грядущих событий, готовность Церкви к празднику – вот соль самуилова труда над главной надписью. Однако оставить новый вариант без серьёзных смысловых поправок Екатерина II не могла.

В переписке по поводу установки раки сохранился текст, выполненный церковным уставом. Но это не приложение к письму Самуила (Миславского), о котором преосвященного просил Г.Н. Теплов, а финальный вариант надписи, несущий редактуру Екатерины II и подготовленный по итогам монаршей работы над текстом (см. второй публикуемый текст).

Из документа понятно, что иной, нежели у преосвященного Самуила, вид приобрело окончание последнего, шестого фрагмента текста:

<i>Текст епископа Самуил (Миславский), 8 сентября 1774 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского) в редакции императрицы Екатерины II, 8 сентября – 4 октября 1774 г.</i>
б. ... в тринадцатое лето/ благословенного своего царствования,/ при наследнике своём, благоверном государе цесаревиче и великом князе/ Павле Петровиче/ и супруге его, благоверной государыне княгине/ Наталье Алексеевне,/ от создания мира 7282, от Рождества же Христова 1774,/ воздвигнути/ благоволила.	б. ... в тринадцатое лето/ благословенного своего царствования,/ во второе лето/ благополучного бракосочетания любезного сына своего,/ всероссийского престола наследника, государя цесаревича и великого князя/ Павла Петровича с благоверною и великою княгинею Наталиею Алексеевною,/ от создания мира 7282, от Рождества же Христова 1774,/ воздвигнути/ благоволила»

Эта вставка отнюдь не носит случайного характера. Вводя упоминание о благополучном бракосочетании цесаревича Павла, Екатерина II намекала на появление в будущем внуков, продление венценосного рода, и, таким образом, выступала главой семьи и династии. Внимание же Екатерины II к принципу династизма вполне понятно: в раннее Новое время он выступал устойчивым качеством идеологии и политики «просвещённого абсолютизма».

За внесённым исправлением скрывались и переживания Екатерины II по поводу внутривластного кризиса 1773-1774 гг., вызванного попытками «панинской партии»

⁴⁶ Потоцкий П. Заботы русских пастырей Церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909. С.25-49.

добиться от Екатерины II уступки власти в пользу наследника⁴⁷. К августу 1774 г. кризис был преодолён, хотя и не до конца, о чём ниже, и взаимоотношения Екатерины II и цесаревича Павла, было испорченные, вновь приобрели стабильный, устойчивый характер (с тем, чтобы оставаться такими до середины 1780-х гг.). Данью этим взаимоотношениям со стороны Екатерины II становилось символическое введение в текст счёта по годам не только её царствования, но и бракосочетания Павла Петровича. Приличия требовали упомянуть и супругу наследника, великую княгиню Наталье Алексеевне, и Екатерина II сделала это, хотя невестка вплоть до своей смерти в 1776 г. прилагала немало стараний, чтобы поссорить мать и сына, и для Екатерины II здесь не было секрета.

Концовка шестого фрагмента, о которой идёт речь, была у Екатерины II новеллой. В целом же императрица работала, сравнивая прежний и вновь полученный варианты надписи, и возвращаясь в важнейших случаях именно к прежнему. В частности, четвёртый фрагмент, законченный у Самуила строкой «отверзшая», она завершила двумя строками, выброшенными ею в своё время из текста Амвросия, но с небольшим изменением:

<i>Текст архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), 5 ноября 1769 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского, 8 сентября 1774 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского) в редакции императрицы Екатерины II, 8 сентября – 4 октября 1774 г.</i>
4. Кубанскую, Крымскую и Бугацкую Орды/ устранившая./ Турецкого во всту семидесяти тысящах состоявшего везира./ под Днестром разбившая и за Дунай прогнавшая./ Хотин, Ясы и всю Молдавию для далших над Портою Оттоманскою поисков/ покорившая./ Ивер, Спарту и Черногорцов морскими и сухопутными силами./ Вселенну же преславными собывшимися в России и в Полше делами/ наполнившая.../	4. Кичение Оттоманской Порты/ низложившая./ неприступную Бендерскую крепость в прах и пепел/ обратившая./ победоносное своё оружие за Дунай/ распространившая./ сожжением и совершенным турецкого флота в архипелаге при Чесме истреблением прославившаяся./ Молдавии, Валахии и архипелагским островам вожделенные выгоды/ утвердившая./ народам, обитающим в Крыму, Кубане и Тамане свободу/ даровавшая./ Одержанием пристаней	4. Кичение Оттоманской Порты/ низложившая./ неприступную Бендерскую крепость в прах и пепел/ обратившая./ победоносное своё оружие за Дунай/ распространившая./ сожжением и совершенным турецкого флота в архипелаге при Чесме истреблением прославившаяся./ Молдавии, Валахии и архипелагским островам вожделенные выгоды/ утвердившая./ народам, обитающим в Крыму, Кубане и Тамане свободу/ даровавшая./ Одержанием пристаней Керчи, Ениколи и Кинбурна/ к новым

⁴⁷ Madariaga I., de. Op. cit. P.260-262.

	Керчи, Ениколи и Кинбурна/ к новым промыслам и кораблеплаванию в Чёрное и Белое море путь/ отверзшая.../	промыслам и кораблеплаванию в Чёрное и Белое море путь/ отверзшая/ всю вселенную великими своими делами, в России и Полше собившимися/ удивившая...
--	--	---

Данная вставка также отнюдь не проходная: добившись победы в турецкой войне, начавшейся из-за польских дел, Екатерина II теперь могла вспоминать о них с превосходством. В ходе войны с Турцией, в 1772 г. состоялся первый польский раздел, и в договор России с урезанной Польшей вновь были внесены положения о правах «диссидентов» и подтверждении международных гарантий в их отношении. Это был очередной русский взнос в разрешение «диссидентского вопроса», весьма крупный, хотя, как вскоре покажет самодержице история, и не окончательный: для обеспечения «диссидентам» подлинной защиты потребуется ещё свыше двадцати лет борьбы и решимость на участие в последующих разделах Речи Посполитой.

В четвёртом фрагменте у Екатерины II проявилась и известная конъюнктурность. Ход войны, когда туркам постоянно наносился урон в живой силе, а русские войска взяли целую систему крепостей в Бессарабии и низовьях Дуная – Хотин, Фокшаны, Измаил, Килия, Аккерман, Бендеры, Браилов, превзошёл самые смелые ожидания. Мощь и престиж России были подтверждены на суше и на море: победы у Рябой могилы, на Ларге и Кагуле, под Туртукаем и Козлуджей, в Чесменской бухте навеки составили славу русского оружия. Однако в надписи Екатериной II были сохранены лишь Чесма и Бендеры, иных же дополнений после Самуила она не внесла.

Выбор Чесмы обоими авторами, на первый взгляд, объясним: успех флота, невиданный со времён Петра Великого. Но почему из сухопутных сражений названы именно Бендеры? Для Самуила всё было просто: штурм Бендер оказался самым кровопролитным для русских войск за войну 1768-1774 гг., по стране после него шли соборные панихиды по павшим воинам, и епископ памятовал о них. Что же касается Екатерины II, то её позиция станет понятной, если вспомнить о том, кто именно командовал с русской стороны в баталиях, внесённых в надпись. Среди главных вождей эскадры у Чесмы был А.Г. Орлов. Под Бендерами армией руководил П.И. Панин, брат Н.И. Панина. Екатерина II, таким образом, отметила обе «партии», соперничавшие у трона, и «орловскую», и «панинскую», стремясь тем самым поддерживать равновесие между ними.

Главный итог правки состоял, однако, в том, что во втором фрагменте самуилова текста после Высочайшего редактирования восстанавливались эпитет «Премудрая» и титул «Матерь Отечества», фигурировавшие у Амвросия на тех же местах:

<i>Текст архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), 5 ноября 1769 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского), 8 сентября 1774 г.</i>	<i>Текст епископа Самуила (Миславского) в редакции императрицы Екатерины II, 8 сентября – 4 октября 1774 г.</i>
2. Благочестивая, Великая, / Премудрая, Непобедимая, / Императрица Екатерина II, / Мать Всероссийская Отечества	2. Благочестивая, Великая, Победями и Миром/ превознесенная, / Императрица Екатерина II/	2. Благочестивая, Великая, Премудрая, Победями и Миром/ превознесенная, / Императрица Екатерина II,/ Мать Отечества/

Подобное возвращение имело вполне определённую политическую и идейную нагрузку. К концу лета 1774 г. Екатерина II торжествовала: была достигнута вожделенная победа над Турцией, и можно было с чистым сердцем сказать о небывалом российском триумфе. Туркам было нанесено полное поражение. Возрос престиж России среди православных народов: под русским нажимом все православные – участники движений против Оттоманской Порты были амнистированы, автономия княжеств Молдавия и Валахия сохранялась, хотя они и оставались под турецкой властью. Впервые в Новое время Россия открывала себе путь в Чёрное море: Крымское ханство объявлялось независимым от Турции, а гавани Керчь, Еникале, Кинбурн становились русскими⁴⁸. В итоге в огромной мере укрепились геополитические позиции России.

Более твёрдым стало и положение Екатерины II на троне. Она отбила, как было сказано, первую и главную атаку «панинской партии», и удержала равновесие вокруг трона. К тому же теперь монархиня могла опереться на надёжного человека, всецело преданного ей – Г.А. Потёмкина. На юго-востоке страны, в Поволжье и на Урале полыхало восстание под предводительством Е.И. Пугачёва. В июле 1774 г. оно достигло пика. «Панинская партия» стремилась использовать момент для усиления: П.И. Панин, главнокомандующий войсками, направленными против повстанцев, жаждал диктаторских полномочий. Екатерина II пошла навстречу требованиям сановника, но мир с Турцией теперь развязывал ей руки и позволял нейтрализовывать оппозицию.

«Только с 1774 года почувствовала я, что мои приказания исполняются», – говорила потом Екатерина II статс-секретарю А.В. Храповицкому⁴⁹. В это время властительница обретала уверенность, и слова о её мудрости звучали сейчас уместно. Проверку испытаниями, полагала Екатерина II, она сама и её режим выдержали. И потому ей было приятно слышать восторженное эхо, которым в её честь отдавалась здравица в заключение молитвы князю Михаилу Черниговскому: «...подаждь убо твоими мольбами да Господь сил и

⁴⁸ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С.116-127; История Балкан. С.130-133.

⁴⁹ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С.67.

христоролюбивую Императрицу нашу Екатерину Алексеевну, самодержицу Всероссийскую, твоей веры усердную и ревностную подражательницу, венчает её оружием истины, оружием благоволения, да укрепит ея мышцу, да возвысит её десницу, да дарует ей всегда глубокий и неотъемлемый мир»⁵⁰.

Оценивая правку Екатериной II самуилова варианта, можно заключить, что монархия поддержала выделение Самуилом в тексте двух крупных тем. Первой темой было прославление государыни. Памятник знаменовал благочестие православной императрицы и её деяния во благо вселенского православия. Отмечалось правление мудрой монархини – матери своего Отечества, заботящейся о нём и способствующей его процветанию. Наконец, Екатерина II выступала в надписи лидером правящей династии.

Вторая тема имела патриотическое наполнение: слова об усилении позиций России на Чёрном море и в православном мире, прославление русского оружия должны были вызывать гордость не только за монархиню, но и за отчизну.

Все тексты Екатерина II утвердила к 6 октября 1774 г.⁵¹ Тогда же Г.Н. Теплов предупредил Самуила (Миславского) о том, что Екатерина II предписала совершить обряд перенесения мощей в раку в один из ближайших воскресных или праздничных дней, «и неотменно бы сие пренесение сделано было прежде, нежели Е.И.В. сама пребыть соизволит в Москву, дабы по пришествии Ея сии святые мощи в новой серебряной раке в Архангельском соборе уже почивали»⁵². Московский главнокомандующий, посоветовавшись с архиереем, назначил обряд на 21 ноября 1774 г., о чём уже 10 октября и доложил наверх⁵³.

Между тем для Екатерины II ситуация осенью 1774 г., несмотря на мир с Турцией, разгром сил Е.И. Пугачёва и пленение самого предводителя, оставалась непростой. Данные первичного следствия над Е.И. Пугачёвым в Яицком городке в сентябре 1774 г. не устроили императрицу: она опасалась, что мятеж был инспирирован оппозицией или внешними силами, и следственные материалы пока не снимали этих опасений. Отсюда Екатерина II, поручив проверку пугачёвских показаний П.С. Потёмкину, двоюродному брату Г.А. Потёмкина, распорядилась об организации нового следствия в Москве. Но в дело вмешался П.И. Панин: в октябре он провёл в Симбирске своё следствие, и П.С. Потёмкин не сумел ему противостоять⁵⁴. Затея П.И. Панина была ясна: получить подтверждение тезису о слабости екатерининского правления, на котором стояла «панинская партия», чтобы затем организовать новый натиск на монархиню.

Излишне говорить, что замыслам Екатерины II всё это не отвечало. В середине октября она подтвердила приказ привезти Е.И. Пугачёва в Москву, чтобы, проведя над ним следствие и суд под началом верных людей, выбить карты из рук «панинской партии».

⁵⁰ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.34 и об.

⁵¹ РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д.245. Л.38, 39.

⁵² Там же. Л.39 об.

⁵³ Там же. Л.42.

⁵⁴ Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование). М., 1995. С.55-84; Ряжев А.С. «Просвещённый абсолютизм» и старообрядцы: вторая половина XVIII – начало XIX в. Ч. II. Тольятти, 2006. С.233-254.

Кроме того, Пугачёвщина помешала торжеству по поводу победы над Турцией, и Екатерина II полагала провести их по завершении суда над вождём восставших и его «сообщниками». Монархиня была уверена: широкие празднества в связи с обеими победами сразу – и над врагом внешним, и над врагом внутренним, укрепят её репутацию в обществе, и покажут её силу и придворной оппозиции, и московскому дворянству, в среде которого многие разделяли недовольство Екатериной II.

Императрица собиралась приехать в Москву сразу после суда и казней повстанцев. Перенос мощей был призван предварить прибытие императрицы и послужить увертюрой готовившимся празднествам. Екатерина II считала победы над турками и пугачёвцами больше, чем просто победами. Война и мятеж были для неё – носительницы традиции рационалистического Просвещения взрывами бешенства и иррационализма, восстанием против разумного порядка вещей, против закона «всеобщего блага», на страже которого она считала своим долгом стоять. В этой связи приезд Екатерины II в Москву означал, что наступает вселенский мир, исполненный добродетелей и оплодотворённый материнской любовью монархини к подданным и ко всему человечеству. Обряд переноса мощей задавал нужный тон.

Это настроение Екатерины II вновь ухватил смыслёный и услужливый Самуил (Миславский). 22 ноября 1774 г., проведя церемонию, он повествовал ей о свершившемся: «Не нахожу довольных выражений ко изъяснению всеобщего удовольствия и радости, коими при сём случае объята были мои сограждане. Во всём Кремле не осталось ни одного места, которое бы жадными и Благоверную свою монархиню благословящими не наполнено было зрителями». Не только люди, по словам епископа, но и сама природа переживала умиротворение: «После бывшей престокой и несносной стужи в самую ночь, предварившую оное торжество, открылась приятная и умеренная погода...»⁵⁵.

Подведём итоги исследования. Источники по истории создания и установки надписи на памятной доске в кремлёвском Архангельском соборе имеют большое значение. Оно состоит прежде всего в том, что на основе этих источников удаётся расширить хронологию екатерининской исторической рефлексии, отнеся её нижнюю грань к 60-м гг. XVIII в., а отнюдь не к 80-м, как считалось ранее.

Собственно тексты надписи убеждают также, что краеугольным камнем осмысления Екатериной II истории государства после прихода к власти стала модель «просвещённого абсолютизма». Основные её черты – поддержка монархией господствующей Церкви и ключевое положение особы монарха в ней, династизм, забота правителя о государстве и прямая служба ему, попечение о благе верноподданных и «всеобщем благе» впервые были обозначены правительницей в законодательстве 1762-1764 гг. о религии и Церкви⁵⁶. Данные принципы нашли воплощение и в «архангельской» надписи.

⁵⁵ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.43 и об.

⁵⁶ Омельченко О.А. Церковь в правовой политике «просвещённого абсолютизма» в России// Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М., 1988. С.34-42.

Из текстов надписи следует ещё и то, что формула «просвещённого абсолютизма» предваряла у Екатерины II собственно исторический поиск и во многом задавала его результаты. В целом это был антиисторизм, обычный для Просвещения.

Известно, что ценили в Екатерине II энциклопедисты, во многом противопоставляя её, могущественную «северную Семирамиду», слабому наследнику Людовика XIV – гуманизм, политику в сфере юстиции, утверждение веротерпимости в Российском государстве и за его рубежами, наконец, борьбу с «варварами»-турками⁵⁷. Именно такую историю собственного царствования хотела оставить на металле памятной доски и сама «Семирамида». Однако в конкретно-исторических условиях идеи «просвещённого абсолютизма» о реформах и смягчении нравов надлежало дополнить идеями, более привычными для России той поры. Манифест «просвещённого абсолютизма», обращённый к русскому обществу, должен был быть и манифестом православного самодержавия, и отличаться нужным настроением. Наши источники объясняют, что Екатерине II удавалось добиваться этого, связывая позиции «просвещённого абсолютизма» с церковной санкцией и пропагандой их через усилия Церкви.

Исторический контекст историописания Екатерины II, направленный на создание памятника, свидетельствует об устойчивом влиянии на императрицу «диссидентского вопроса»⁵⁸. Он не отпускал Екатерину II в течение всех лет правления. В 1795 г., за год до смерти монархиня поручила Н.Д. Бантыш-Каменскому создать книгу с обоснованием позиции России в «диссидентском вопросе»⁵⁹. Тем самым Екатерина II открыла переход от своих личных историописательских рефлексий к широкому историческому изучению аспектов реальной политики «просвещённого абсолютизма»⁶⁰.

Тексты памятной надписи и сопровождающая их переписка являются важными источниками, расширяющими научную трактовку опытов Екатерины II по части историописания и создания ею обобщающей исторической формулы своего царствования. Екатерина II была одним из ведущих теоретиков «просвещённого абсолютизма», изученные же документы помогают понять специфику мышления в рамках екатерининской политико-идеологической и исторической доктрины.

⁵⁷ Scharf C. Tradition – Usurpation – Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katarinas II.// Russland zur Zeit Katharinas II. Köln–Weimar–Wien, 1998. S.98.

⁵⁸ См.: Рязев А.С. «Просвещённый абсолютизм» и старообрядцы... С.254-272.

⁵⁹ Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении, по Высочайшему блаженнаго памяти Императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг, Действительным Статским Советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное. М, 1805.

⁶⁰ Рязев А.С. Вероисповедная политика «просвещённого абсолютизма»: история изучения... С.84-85.

Надпись на памятной доске в Архангельском соборе Московского Кремля.

*1. Текст архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского)
в редакции Екатерины II, 5 ноября 1769 г. – 1 марта 1770 г.*

Во славу Триипостасного Бога, / в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому, / от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени / происшедшему, / за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином / во Орде от Батя в 1244 лето 20-го семптемврия / пострадавшему, / из Чернигова в столичный град Москву пренесенному, / здесь же с державными сродниками своими почивающему, / Благочестивая, Великая, / Императрица Екатерина II, / устрашившая / Турецкого во сту семидесяти тысящах состоявшего везира, / под Днестром разбившая и за Дунай прогнавшая, / Хотин, Яссы и всю Молдавию для далших над Портою Оттоманскою поисков / покорившая, / Ивер, Спарту и Черногорцов морскими и сухопутными силами, / Вселенну же преславными собывшимися в России и в Полше делами / наполнившая, / возобновляя / древнее града Кремля здание новым великолепием, / сию Раку / в осмое лето благословенного своего царства, / от Рождества же Христова 1769 года, / создати благоволила.

(РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.7).

*2. Текст епископа Самуила (Миславского)
в редакции Екатерины II, 8 сентября – 4 октября 1774 г.*

Во славу Триипостасного Бога, / в честь Приснопамятному Святому Михаилу, князю Черниговскому, / от кореня равноапостольна Владимира Великого в седмой степени / происшедшему, / за Веру и Отечество с другом своим Феодором боярином / во Орде от Батя в 1244 лето 20-го семптемврия / пострадавшему, / из Чернигова в столичный град Москву пренесенному, / здесь же с державными сродниками своими почивающему, / Благочестивая, Великая, Премудрая, Победями и Миром / превознесенная, / Императрица Екатерина II, / Мать Отечества, / всех единоверных грековосточных христиан / надежда, покров и избавление, / Кичение Оттоманской Порты / низложившая, / неприступную Бендерскую крепость в прах и пепел / обратившая, / победоносное своё оружие за Дунай / распространившая, / сожжением и совершенным турецкого флота в архипелаге при Чесме истреблением прославившаяся, / Молдавии, Валахии и архипелагским островам вожделенные выгоды / утвердившая, / народам, обитающим в Крыму, Кубане и Тамане свободу / даровавшая, / Одержанием пристаней Керчи, Ениколи и Кинбурна / к новым промыслам и кораблеплаванию в Чёрное и Белое море путь / отверзшая, / всю вселенную великими своими делами, в России и Полше собывшимися, / удивившая, / возобновляя /

древнее града Кремля здание новым великолепием, / сию Раку / в торжественное изъявление преславно заключенного с Портою Оттоманскою июля 10 дня 1774 года / Мира / и в знак истинного своего благочестия и пламенеющей к Богу благодарности / в тринадцатое лето / благословенного своего царствования, / во второе лето / благополучного бракосочетания любезного сына своего, / всероссийского престола наследника, государя цесаревича и великого князя / Павла Петровича с благоверною и великою княгинею Наталиею Алексеевною, / от создания мира 7282, от Рождества же Христова 1774, / воздвигнути / благоволила.

(РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.245. Л.33).

Об авторе:

Ряжев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета.